

Тот, кто Ворона видал,
Знает силу мрака,
Ворон к Одину летал,
В вечный он глядел кристалл,
Принял тайну знака.

К. Бальмонт. Птицы Чернобога

ПРОЛОГ

Ранним июльским утром по тропам лесопарка бежала... нет, совершала пробежку девушка в спортивной белой маечке и серых шортах. Ноги в кроссовках легко несли ее с одной кручи на другую в дальней части лесопарка, изрезанной оврагами, весьма востребованными у спортсменов и бегунов-любителей. Солнце лениво проглядывало сквозь ветви тополей и лип. Голубые небесные кусочки наверху шелестели громадными листьями дубов и кленов, а внизу стояла едва ли не черная благодатная тень, и невысокая курносенькая девушка, не старше двадцати лет, поневоле улыбалась движению и свободе. Светло-русые волосы резинкой стянуты в хвост, решительно мотавшийся в ритм бега, а небольшие карие глаза с удовольствием следили за вьющейся среди кустов тропкой или приветливо вскидывались на других бегунов, в одиночестве или группками наслаждавшихся стремительной утренней прогулкой. «Еще круг, — размышляла чуть запыхавшаяся бегунья, — и пора домой...»

Она спускалась с одной из круч, глядя на тропку следующей, а потому не видела, что происходит под ногами.

Множество тощих ручонков с трудом втащили на самое узкое место тропинки сук с трухлявой от старости и дождей корой. В месте облома ветка оказалась размером с кулак. Сук быстро развернули поперек узкой дорожки. И плохо видные в пятнистой от солнечных лучей и древесных теней существа резво бросились в кусты орешника по обочинам тропы.

Кроссовки бегуньи предсказуемо врезались в неожиданную преграду. Девушка замахала руками, тщетно стараясь

удержать равновесие... и, ахнув, грохнулась в высокие травы, выбросив вперед руки в последней попытке хоть что-то сделать, хоть как-то смягчить падение. Бегунья, может, и отлежалась бы, а потом, раздраженно кряхтя и постанывая, встала — и либо продолжила бы бег, либо поплелась домой... Но чуть только она повернула голову, собираясь с мыслями и силами, как лопухи сбоку шевельнулись, из них высунулась тощая, даже костлявая ручонка с зажатым кулачишком. Девушка изумленно моргнула. Ручонка замахнулась, кулачишко резко открылся. Зеленоватый дымок пыхнул перед лицом бегуни. Еще одна чисто инстинктивная попытка приподняться на локтях — и девушка рухнула плашмя.

Как в болезненном сне, она видела, но не могла сопротивляться: из кустов и травы выскочили странные существа, похожие на сухощавых старушек в лохмотьях. Их седые космы были подвязаны такими же тряпками, какими они укрывали свои тощие тела. И все эти старушки, отличительной особенностью которых кроме роста были еще и куриные клювы вместо ртов, бросились к голове упавшей. Бегунья, неподвижно лежа и не веря своим глазам, смотрела, как тощие, чуть ли не куриные ноги суматошно бегают рядом с ее лицом, а вскоре почувствовала, как ее волосы теребят маленькие ручонки... Туман поплыл перед глазами, а когда развеялся, ошалевшая бегунья поняла, что ей распустили стянутые в хвостик волосы. Вяло шевельнулась мысль: «Они мне собираются волосы вырвать?..» Не додумала — трудно было. Но продолжала ощущать, как те же ручонки дергают ее волосы — правда, не так, как если бы и впрямь захотели их повывидирать...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Руся

Придя в себя, Руся обнаружила, что лежит на тропе. С огромным усилием встала, больше всего боясь посторонних взглядов, потому что было неловко из-за глупого падения. Но вокруг было тихо, странным образом пропали голоса, которые во время бега отчетливо слышны со всех сторон. Стряхнув с ободранных коленок грязь, она внимательно рассмотрела ноги и пришла к выводу, что ничего страшного не случилось. Пора идти... э-э-э... хромать домой. Все странности, которые чувствовала, отнесла за счет сильного падения... А странные видения... Были ли они? Может, причудилось только?

Да, пора домой. Она снова, уже придиричiveй осмотрела себя и медленным шагом поднялась на овражную кручу, чтобы знакомой боковой тропкой выйти на широкую асфальтированную пешеходную дорожку. Та в одном месте спускала путников к ледяному ключу, начало которого было упрятано в короткую трубку, а поток — солнечно сверкал между крупными камнями, выложенными вокруг русла. Добравшись до паркового ключа, Руся, постоянно ощущая взгляды в спину, отчего время от времени резко оглядывалась, пытаясь поймать хоть одного глядельщика, осторожно промыла содранную кожу на коленке, после чего наклепила на ранку листик подорожника. Правда, были сомнения, что он, пока мокрый и липкий, по дороге не свалится.

Домой — это значит пересечь лесопарк, выйти на его спортивно-игровые площадки, затем к собственно развлекательным площадкам, после чего оказаться на дороге, ведущей на городские улицы. Эта дорога начиналась небольшим мостом над трассой, а заканчивалась на «зебре», по которой перейти — и, обойдя первый жилой дом, свернуть к первому же подъ-

езду. Голова чувствовалась какой-то странно стянутой, Руся шагала как в полусне, но решила, что голова болит после падения. Само пройдет, в общем. Так что благополучно прошла весь путь и спокойно приблизилась к нужному подъезду.

Руся открыла дверь подъезда — и замерла на пороге, машинально вытирая пот со лба и с недоумением слушая вопли и грохот с четвертого этажа. Вспомнила. Точнее... Слышала, что в подъезде творится такое последнюю неделю, — бабуля говорила. Хотя Руся не думала, что попадет на это ЧП самолично... Расслышала не просто грохот, но различила даже отдельные слова в криках сразу нескольких человек. Поднявшись на свой третий этаж, она застыла уже возле двери в квартиру. Спустя минуты скривила губы...

Соседи не хотели выходить: ввязываться в очередную скандальную свару с этой психованной бабищей, которая могла немедленно броситься в драку с кем угодно, никто не желал. Так объяснила поведение соседей бабушка. Типа плавали — знаем. Но кто бы остался дома, если уже с полчаса грохот стоит такой, что и в квартирах плохо слышно друг друга?

Женщина на четвертом этаже вопила, огрызалась на выскочивших соседей и часто била ногой в металлическую дверь, будто аккомпанируя себе, — и тратила свои силы понапрасну: новый жилец в квартире на данный момент отсутствовал.

Правда, Руся не собиралась оповещать женщину об этом, а, напротив, с интересом прислушивалась к бешеному монологу сверху, время от времени перебиваемому такими же вопящими от негодования соседками. Жизнь есть жизнь. Надо же иной раз узнать о ее особенностях — пусть и из уст скандалистов.

Из монолога она узнала весьма увлекательные подробности из жизни вопящей дамочки: та вышла в первый раз замуж по сумасшедшей любви, но бросила мужа, чтобы по такой же всеобъемлющей, сильной любви выйти замуж за этого самого нового жильца! Однако первый муж платил ее, ну и, естественно, своему тоже, ребенку алименты! Этого второго она бросила, потому что, как в прорубь, окунулась в новую прекрасную любовь с третьим, но второму она не позволит просто так уйти из ее жизни: он должен, он просто обязан платить алименты на ребенка от первого!.. Вот, в сущности, и все, к чему сводились все громогласные претензии дамочки.

Руся представила, как все жильцы подъезда стоят, слушая неведомую и пока невидимую ей дамочку и крутя пальцем у виска, а некоторые, не выдерживая, пытаются переорать ее. А другие поражаются: неплохо устроилась! Требовать деньги со всех бывших мужей на единственного ребенка! Или под этим предлогом — на себя?

Бывший муж дамочки обогнал Русю, когда она шла на пробежку в ближайший парк. Что значило — дамочка впустую вопила и гремела уже с полчаса. Если не больше. Мужик, честно говоря, интересный. Похож на исхудалого по весне медведя, только что выбравшегося из берлоги. Такой же тощий и такой же лохматый. Впрочем, причесон у него был не слишком длинный, но волосы предпочитали свободу, отчего косматились так, словно мужик и впрямь недавно вышел из глухого леса. Точнее, не предпочитали свободу, а растрепались взъерошенными космами, как будто он только что подрался. И лицо было темное какое-то, замкнутое донельзя. К такому — к мужику, не лицу — подойти-то страшновато, а дамочка вопила о сумашедшей любви?..

Опаньки! С нового вопля «Я тебя сама выбрала! Открывай, гад!» Руся, не веря ушам, вновь прислушалась, открывая для себя еще одну грань взаимоотношений дамочки и нового жильца из своего подъезда. Они не были расписаны! Но даже это обстоятельство, по мнению дамочки, не должно никоим образом влиять на положение ребенка! Бывший... э-э-э... в общем, все равно бывший должен обеспокоиться жизнью несостоявшегося пасынка! И снова грохот в металлическую дверь — аж в ушах зазвенело.

Если бы не последний вопль, осветивший взаимоотношения нового жильца и горластой бабищи, Руся выждала бы еще немного и зашла в квартиру бабушки, то есть домой. Но теперь... Подумалось, что между нею, Русей, и новым жильцом есть определенное сходство — в ситуации. Руся тоже на время переехала к бабушке — зализывать сердечные раны. Ну, не совсем сердечные и не совсем зализывать, но... Да и не только это. Руся желала покоя! А с этой скандальной бабищей, судя по всему, покоя не дождешься! Пойти, что ли, тоже поорать? Руся даже рассмеялась про себя, представляя, как будет вопить...

Ой... Кто-то поднимался по ступенькам. Сквозь решетки перил на ближайшей лестнице Руся разглядела, что идет мужчина. Но вот он замедлил шаг. Ага! Баба все-таки поймала сво-

его «мужа»! Или мужик, узнав голос бывшей, сбежит сам, не желая встречаться с ней?

Но мужчина постоял с секунду, а потом вновь, уже решительно, зашагал наверх. Руся, не желая, чтобы он подумал о ней — подслушивает, поспешно юркнула к себе, в открытую квартиру. И тут же подняла крышечку глазка посмотреть, когда этот тип пройдет мимо... Прошел. Руся, постаравшись открыть дверь во время нового грохота и воплей, снова высунулась из квартиры, а потом и вовсе поднялась на один марш выше — так, чтобы шагнуть в сторону и спрятаться, если соседи и скандальная дамочка обернутся.

Ну интересно же, что сделает мужик!

А о том, что он собирается сделать нечто, ясно говорила его решительность.

Она добежала до верха лестницы в тот момент, когда на площадке постепенно воцарялась тишина!.. А соседи медленно, будто извиняясь, расходились по квартирам, оставляя странную пару в одиночестве стоять друг против друга. Недолго.

Затаив дыхание, Руся вытянула шею, готовая в любой момент удрать назад. В душе она удивлялась, как соседи без крика удалились по своим домам. И почему эти двое все еще молчат, не двигаясь...

Мужчина опустил руку в карман джинсов и, кажется, что-то вынул. Женщина, так страстно вопившая до сих пор, не пошевелилась. Рука нового жильца едва заметно бросила это нечто ближе к ее ногам.

Легкая дымка овевала босоножки дамочки. А мужчина все так же молча шагнул в сторону, словно уступая дорогу. Женщина помешкала и спокойно прошла мимо него — не оглядываясь на недавно вожделенного бывшего, будто его и рядом не было.

Руся торопливо и, благо в кроссовках, тихонько спустилась к почтовым ящикам, чтобы сделать вид, будто только что вошла в подъезд. Девушка дождалась, когда дамочка начнет спускаться ей навстречу с третьего этажа, и неспешно принялась подниматься, прихватив для маскировки одну из газет, часто лежавших на подоконнике. Очень уж хотелось увидеть эту скандальную бабищу.

Увидела. Честно говоря — поразилась. Это вот такой хрупкий, прелестный цветочек, на который дунь — с места снесет, сейчас орал наверху?

Цветочек бесстрастно прошел мимо Руси, в упор не заметив ее. А девушка мельком отметила, что выражение лица у дамочки очень уж безразличное... Не от того ли странного дымка? Жуть какая-то...

И уже быстрее принялась шагать на свой этаж. Когда в очередной раз начала открывать дверь, услышала шаги за спиной — и обернулась посмотреть. После чего, чувствуя себя сплетницей, подсматривавшей в замочные скважины и пойманной на месте преступления, шмыгнула в бабушкину квартиру. Оставила нового жильца на середине верхней лестницы.

Он замер, словно увидел какую-то невидаль — как бабуля выражается. Торопливо клацнул замок.

— Орет ли еще? — из кухни спросила бабуля, маленькая, но весьма активная особа.

— Ушла. Бабуль, я в ванную.

— А потом — завтракать, — непреклонно сказала бабуля.

«А я что, возражаю?» — про себя проворчала Руся, блаженно приюхиваясь к ароматам свежеиспеченных блинчиков и гадая, что будет к ним — сметана или масло. Варенье-то в креманке на столе всегда стоит, поднадоело немного.

Она повернулась было к ванной, в которой собиралась чуток задержаться, чтобы обдумать увиденное, и аж подпрыгнула от бабулиного аханья.

— Ах ты господи!.. Что это ты с головой своей сделала?!

— А что? — с недоумением спросила Руся и бросилась к старенькому трельяжу, стоявшему тут же, в прихожей. Странно, но только после бабулиных слов девушка почуяла, что голова необычно тяжелая. И не болит, как поначалу думалось.

Сблизив узкие зеркальные створки, девушка вгляделась в отражение в центральном зеркале — и раскрыла рот. Волосы жестко и плотно были переплетены с длинными зелеными травинками чуть ли не в шлем. Тонюсенькие прядки с такими же тонюсенькими травинками — получилось нечто зеленоваторусое, смутно золотое...

— Откуда это у тебя? — ошеломленно спросила бабуля, трогая Русин затылок. — Ты ж на работу еще не ходила?!

Девушка только хлопала глазами. Пока она сообразила лишь одно: именно ее голова в ее теперешнем состоянии так удивила нового жильца, что он остановился на ступенях лестницы. Но... правда — откуда это и как от этого избавиться?

Спустя минуту оторопелого созерцания бабуля легонько толкнула внучку на табурет, принесенный из кухни, и велела:

— Сама не трогай — запутаешь еще больше!

Понадобилось пятнадцать минут, чтобы бабуля опустила руки и с нервным вздохом призналась, глядя в зеркало:

— Нет, мне такого не распустить. Иди в свою парикмахерскую — там всякие косички заплетают-распускают. Так, может, и тебе помогут?

— Бабуль, а прикольно! — вдруг решила Руся. — Давай я немного так похожу, а потом, если слишком лохматой буду, и девчонок можно будет попросить, чтоб помогли.

Бабуля бормотнула что-то себе под нос и со вздохом пошла на кухню. Руся следом отнесла табурет, размышляя, не взгляд ли соседа заставил ее придумать такое. А вот интересно, она его удивила этой прической или напугала? Скажет еще — дура ненормальная, чего придумала — и будет обходить за три километра. И что? Его мнение — оно ей надо? И надо ли, чтобы он вообще к ней приближался? Ну и пусть идет лесом! Таращиться еще вздумал...

Она умылась и села завтракать.

— Не опоздаешь? — спросила бабуля, заботливо подкладывая порцию горячих блинов и щедро поливая их сметаной.

— Не. К десяти-то? С утра работы вообще нет. Зря только приду.

Руся не сумела поступить в университет, а потому ее устраивали на работу всем семейно-родственным миром. Работу найти трудно — без образования, без опыта. Поэтому родители и бабуля обратились к жене Русиного кузена. Та держала махонький зальчик-парикмахерскую в полуподвальном, то есть цокольном помещении торгового центра. Русю взяли уборщицей. Русе нравилось убираться, тем более она работала в основном в перерывы, пока клиентов нет. Девчонки-парикмахерши оказались веселыми и компанейскими и сразу вызывали девушку, когда клиенты опаздывали или когда можно успеть убираться в паузе между их приходами. А еще обещали научить ее обычным стрижкам... Не нравилось только отношение Алевтины. Кузен-то старше Руси на двенадцать лет, и его жена, сухопарая и всегда раздраженная, чаще смотрела на Русю, скривив рот. Нет, не ругалась, но и кривого рта достаточно, чтобы Руся чувствовала себя неудобно. И денег мало платила — даже

девочки-парикмахерши удивлялись... Руся, правда, помалкивала и терпела, втихомолку подыскивая другое место.

Единственный плюс в этой работе — она переехала к бабуле, дом которой находился недалеко от того ТЦ, всего в пяти остановках от него. А еще здесь — парк! Прямой транспорт до ТЦ! И — радостная бабуля, которая счастлива, что теперь живет не одна в двухкомнатной квартирке-хрущевке. Есть и с кем поболтать, и за кем поухаживать, а главное, как сама однажды обмолвилась, — есть кого ждать домой.

— Да как же ты не помнишь? — поражалась бабуля, сидя напротив. — Ну, ушла на свою бегодную, а потом что? Совсем-совсем ничего в памяти не осталось?

— Я думала, у меня голова побаливает, — задумчиво сказала Руся и, подцепив блинчик, исходящий паром, вымазала его в сметане. — Ну, после того как упала...

— Упала?! — ахнула бабуля. — Где ж ты там сумела упасть-то?

— Около ручья. Помнишь, мы с тобой гулять ходили? Там есть ручей, или ключ, вокруг которого камней много — обложили желоб с обеих сторон?

Бабуля помолчала, рассеянно взяла стакан с молоком.

— Подшутил кто-то? — задумчиво предположила она и вздохнула. — Говорила я тебе — не ходи в тот парк! Соседи говорят, не впервой там чертовщина-то! Вон на прошлой неделе, говорят, женщину там нашли — мертвой. Убили ведь. А недели две назад мужика какого-то стукнули да всю кровь выпили!

— Бабуль, — не поверила Руся, — ты меня специально пугаешь?! Придумала тоже — кровь выпили! Тоже небось упал да поранился!

— Что ты, — со значением сказала бабуля. — У нас вон на лестничной площадке, в квартире напротив, Зина живет — помнишь ли? Она к нам на прошлой неделе за чаем заходила. У нее племянник в полиции служит. Он ей и рассказал, потому что Зина частенько через тот парк ходила на работу — вроде как ближе. А сейчас она — ни-ни! Ни ногой в тот парк! А ты — бегать... — Бабуля поджала губы, а потом, словно осененная идеей, внимательно глянула на Русю и дипломатично спросила: — Ты-то со своим как? Совсем разбежались? Или помиритесь еще?

— Разбежалась, — неохотно ответила девушка. Подробно рассказывать о том, что недавний друг и предполагаемый же-

них оказался тряпкой и не сумел защитить ее в неожиданной ситуации, не хотелось. И еще появилось странное впечатление, что бабуля чего-то недоговаривает. — А почему тебя это интересует?

— Так племянник Зины-то — мужик молодой и холостой, — ласково сказала бабуля. — Симпатичный! Зина-то меня и спрашивает позавчера: мол, как у тебя внука-то? Не познакомить ли вас?

— Бабуль, мне только-только восемнадцать стукнуло, — со смешком напомнила Руся, про себя недоумевая: бабуля — и такие разговоры? Да она раньше и не думала болтать с внучкой о ее же будущем! Нет, бабуля темнит что-то. — Дай мне на жизнь посмотреть, выучиться на кого-нибудь, профессию получить, а уж потом посмотрим.

— Ну смотри, смотри, — согласилась бабуля. — Только вот... не прогадать бы. Племянник-то у нее — парень видный, да еще, Зина говорит, на должности он какой-то. А значит, нуждаться не будешь. В наше-то время это ведь ой как годно! Подумай!.. — Наткнувшись на укоризненный взгляд внучки, бабуля миролюбиво пожала плечами. — Погулять-то с ним можно и до свадьбы — вот и посмотришь на жизнь-то...

Так и не поняв, к чему относится последняя фраза, Руся предпочла замолкнуть. Осталось от беседы послевкусие, что бабуля своим внезапным сватовством хотела уйти от чего-то в разговоре. Ну, чтобы Руся забыла о чем-то, озадаченная тетей Зиной и ее племянником... Собрав последним блинчиком остатки сметаны с тарелки, девушка встала и вымыла посуду, не смотря на возражения бабули, а потом быстро собралась: серые джинсы, белая футболка, те же кроссовки — вся недолга! Постояла еще минуту у зеркала, подивилась зеленоватому шлему на голове и, попрощавшись с бабулей, побежала на работу. Выскочив из подъезда, развернулась к балкону и помахала бабуле. Та покивала ей, прощаясь, — и пропала, отойдя вглубь кухни.

Снова повернулась — бежать к остановке и чуть не споткнулась: на скамье у подъезда сидел тот самый новый жилец и в упор смотрел на нее. Мысленно удивившись и даже возмущившись: «Чего вытарачился?» — Руся не торопливо, а, как полагается рабочему человеку, деловито зашагала к торцу дома. На углу скосилась в сторону своего подъезда — и вскинула брови:

жилец шел за ней. Или... тоже по своим делам? Например, в магазин, который через дорогу?

А любопытно, кто он такой и что он бросил под ноги своей бывшей... э-э-э... А как ее про себя звать-то? Любовнице?..

А вдруг какое-нибудь химическое средство? Психотропное, например, про которое в шпионских фильмах почти всегда говорят? А если он внедренный шпион?.. Быстро шагая к перекрестку, Руся хмыкнула. Почему — внедренный? И тут же снова насмешливо хмыкнула: а почему шпион? Потому что в черном ходит, как и полагается отрицательным персонажам. «Тожe мне — в черном, — подумала она. — Нашел когда — летом-то!..»

Передернула плечами: что-что, а выдумывать она любила!

Выждав у перекрестка, когда на светофоре загорится зеленый свет, Руся перешла вместе с толпой дорогу, немного стесняясь своей странной прически, и добралась до троллейбусной остановки. Могла бы и пешком, но сегодня слишком поздно вышла из дома. Выбрав удобное место, где на нее не должны бы обращать внимания из-за странности во внешности, Руся досадливо вздохнула: мобильник дома забыла! Зато взглянув налево в ожидании транспорта, Руся захлопала глазами: неизвестный, который новый жилец и шпион, стоял в шести-семи шагах от нее! Удивленная и даже ошарашенная, девушка пару минут даже думать не могла. Но на табло появилась подсказка, что нужный троллейбус вскоре будет на остановке, и это помогло ей прийти в себя. «Пока не узнаю, что происходит, — сердито решила она, — кличка твоя — Шпион!»

Быстро вошла в салон троллейбуса и, заплатив за билет, ринулась к переднему сиденью. Там уже сидела довольно полная дама, и Руся с облегчением уселась рядом. А облегчение она почувствовала по одной причине: если Шпион и влез в троллейбус следом за ней, уж на одном сиденье они не будут! Эта тетенька не пустит его, да и ее, Русю, в обиду не даст! А девушка себе уже честно признавалась, что начинает Шпиона всерьез побаиваться: а вдруг он не шпион, а маньяк? Но, сидя рядом с дородной дамой, чуть ли не под ее защитой, Руся вдруг раскраснелась от новой и очень приятной мысли: а если этот тип в нее влюбился с первого взгляда?!

Стеснительно улыбнувшись, она скромно подумала: «Почему бы и нет? Мама говорит, я симпатичная. И не скандальная, как его бывшая... Правда, — она прикусила губу, — я и не

такая красивая, как она». И совсем уж расстроилась, вспомнив, как разбежалась с Митькой: пришли на чей-то день рождения (его же друг пригласил!), а там... Руся насупилась. Там пришлось отбиваться от пьяных, а Митька сделал вид, что ничего не видит. Более того — он потом сказал, что хотел посмотреть, сумеет ли она сама справиться с его же дружками-алкашами. Руся вообще-то в рабочем районе выросла. И кулачок у нее крепкий. Митьке под дых дала — аж самой понравилось. И ушла от него насовсем.

Дородная дама, будто услышав ее мысли, покосилась на юную соседку, и Руся замерла: а если дама пройдет сейчас по ее странной прическе и скажет что-нибудь уничижительное? Пронесло... Дама на ее голову даже и не взглянула, вновь уставившись в переднее стекло. И Руся начала думать о том, как бы этот Шпион ее на выходе из троллейбуса не поймал. Ну, предположим, надо выйти в переднюю дверь. Потом — бегом через дорогу. И вот здесь... Руся крепко задумалась: переход-то подземный. Успеет ли она проскочить его так, чтобы этот Шпион ее не поймал?

С другой стороны, чего его в подземном переходе бояться? Утро рабочее — народу в переходе полно. Девушка хмыкнула и велела себе забыть о надуманных страхах. И забыла. Выскочила из троллейбуса и побежала к переходу, уже думая о работе: Алевтина приходит раньше всех, и Русе не хотелось бы наткнуться на ее очередное недовольство, хотя в махоньком зале со вчерашнего вечера чисто. Но девушка заметила, что Алевтина не так злится, если Руся приходит раньше всех. Так что вперед и с песней!

У самого входа в торговый центр пришлось-таки вспомнить о Шпионе.

Пока бежала к входу — никто из прохожих даже и не взглянул на причудливую прическу. А прохожих много: продовольственный магазин в ТЦ работал с восьми... А за пять-шесть шагов до входа вновь распахнулись двери, и из них вышло чудо чудное — высокий молодой мужик, симпатичный, с длинными белыми волосами, да и одежда на нем — белые джинсы и такой же белый джинсовый жилет. Неплохой такой прикид для лета! И ручищи у него — накачанные, приятно посмотреть!

Поднял глаза на посторонившуюся Русю и вдруг замер, его чуть с ног не сбили шедшие за ним. И Руся от неожиданности чуть не споткнулась: чего это он?

И едва не подпрыгнула, когда за спиной кто-то злым низким голосом рявкнул:

— Не пялься на нее! Опоздал!

Девушка оглянулась и, пискнув от страха — Шпион стоял прямо за ней! — быстро влетела в ТЦ, благо двери вновь открылись. Проскочила под рукой выходявшего и со всех ног бросилась к лестницам на цокольный.

Внизу второй лестницы, у начала коридорного лабиринта, она остановилась и подняла глаза: лестница пустая. Отдышавшись, Руся с недоумением спросила себя: «И чего испугалась? — А подумав и успокоив дыхание, скептически решила: — Вот во что я совсем не умею играть, так это в шпионские игры! Почему сразу бросилась к лестницам? Сразу найдет! — Еще немного подумав и двинувшись в раздумьях к лабиринту с магазинами и маленькими ателье, пожалала плечами: — А может, и не найдет. Ведь он с тем беленьким разговаривает — и за мной не успеет. Хотя опять-таки... Чего ему успевать, если он может меня подождать в конце дня? Но... зачем? Как он сказал: «Не пялься на нее! Опоздал!» Это он про что — «опоздал»? — Руся остановилась, озадаченно хлопая глазами. — Как бы про это узнать?!»

— Ты так рано, — равнодушно сказала Алевтина, выглянувшая в коридор.

— Как всегда, — пробормотала Руся, с облегчением принимая завуалированное ворчание кузеновой жены: можно хотя бы некоторое время не думать о том инциденте у входа в ТЦ! И вошла в парикмахерскую.

Через считанные минуты, пока она проверяла, хоть в том и не было нужды, наличие половой щетки, ведра и швабры, появились все четыре девочки-парикмахерши. И Руся снова удивилась: никто из них даже слова не сказал о ее чудной прическе! Будто и не заметили! А потом смирилась, хотя ожидала активных расспросов, — и рабочий день начался и покатился.

Машинально выполняя все привычные действия, Руся размышляла обо всем подряд. Вызывал любопытство беленький, который с накачанными руками: почему он обратил на нее внимание? Что за странная фраза Шпиона, который больше похож уже даже не на медведя, а на лесного ворона из тех, что селятся на кладбищах? Судя по всему, они знакомы, но, кажется, не слишком... ну... дружелюбно. Интересно, беленький подчинится Шпиону? Но в чем? Таинственная фраза Шпиона

жутко интриговала... А потом до нее дошло. И сразу — мороз по спине: а если Шпион будет дожидаться ее с работы?! Уставившись в стену невидящими глазами, Руся неуверенно пожала плечами: а для чего? Для плохого или хорошего? Попросить, что ли, девчонок-парикмахерш вывести ее в своей компании из ТЦ? Не засмеяли бы только — типа, парень, может, познакомиться хочет, а ты!..

И только к концу смены девушка сделала открытие: ее необыкновенную новую прическу заметили три человека. Шпион. Беленький. И бабуля. Еще одна загадка: что бы это значило?!

За полчаса до конца работы Руся осторожно подошла к дверям ТЦ и, спрятавшись за одним из толстенных столбов фойе, тщательно обозрела площадь перед центром. Сначала глаза наткнулись на Шпиона. Тот сидел, ссутулившись, на скамье — одной из ближайших к входу. Потом, глянув на остановку, Руся обомлела: с лестницы от нее спускался тот самый беленький. Шел быстро и легко, словно предполагая, что его никто остановить не может. Наверное, думал, что Шпион ушел... Пока девушка гадала, что к чему, посматривая то на одного, то на другого, беленький оказался в нескольких шагах от скамьи с Шпионом.

Ка-ак тот поднимался — медленно, угрожающе, темной тучей! И ведь выглядел не таким уж шибко сильным, как беленький, например. Но тот резко остановился, обнаружив его. Слабо усмехнулся — разглядела открывшая рот Руся, — развел руками, типа: «Ну ладно, ладно, все понял!» и без пререканий удалился.

Руся вернулась в парикмахерскую. Постояла немного, рассеянно наблюдая, как девочки-мастера обслуживают последних клиентов. Собралась с силами и подошла к Алевтине — попросить телефон. Ух как боялась, что та не даст — из вредности. Но, узнав, кому должна звонить Руся, хозяйка парикмахерской кивнула и вручила свой аппарат. Руся снова вышла и, встав между двумя опустевшими (рано закрывались) киосками, приложила к уху мобильник. Никаких сомнений!

— Бабуля! — решительно сказала она. — А ты не могла бы меня встретить после работы? Да нет! Я просто хочу с тобой погулять немного. Или ты уже выходишь с тетей Зиной? Нет?.. Тогда я тебя подожду. Ты сюда на троллейбусе, а потом

мы пять остановок погуляем... Тебе нравится моя идея? — заулыбалась она на довольный голос бабули. — Тогда жду!

Она убрала мобильник в карман джинсов и посмотрела наверх.

— Фиг тебе! — пробурчала она. — Пугать меня вздумал... — Подумав, поправилась: — Вздумали! Фиг вам обоим!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Данияр

Трое суток беспрестанного действия. Порой казалось — он вот-вот не только почувет, как подрагивают ноги, но и свалится. И будет дрыхнуть в любом месте, где бы ни свалился. «Устал» — смешное слово для оценки собственного состояния. «Вымотался» — ближе к истине.

Под конец третьих суток Данияр решил: хватит, пора отдохнуть. И дошел до своей новой квартиры, чтобы рухнуть на старый диван, пахнувший пылью и кожзамом, и сомкнуть глаза на бесконечные часы отдыха. Глаза закрыть не успел — шарахнуло по нервам: набатно зазвенел мобильник. Данияр часто по тону звонка интуитивно понимал, что дело швах, но такое... такое врагу не пожелаешь услышать.

— Данияр, — глухо сказал старик Мрак, — Всеволода убили. Я ухожу. В последнюю встречу он сказал — нашел троих наших. Но ни слова о том, кто они, эти трое. Прости, но тебе самому придется искать их. Пока до них не добрались. Я выхожу из игры. Теперь старший ты. Прости...

И отключился.

Данияр бессмысленно смотрел на замолкший мобильник. Потом начал понимать.

Мраку не стоило просить прощения. Старику под девяносто. Он устал и хочет спокойно дожить до своего последнего дня. Данияр это понимал и принимал.

Но Всеволод... Старший погиб?

Данияр подошел к кухонному окну и невидяще уставился на небольшой сквер во дворе дома. В голове прокручивалось одно и то же: Всеволод оставил его за старшего. За старшего поневоле. Нет, неправильно. Его оставили старшим. И теперь кроме бесплодных ночных погонь и безрезультатных поисков

на нем, Данияре, еще и поиски троих. И ответственность за них, за их жизни. С чего начинать? С чего начинать?.. Когда вопрос заикленно и болезненно застучал в висках, Данияр обернулся к кухонному висячему шкафчику.

Квартира куплена недавно. От умершей старухи достались мебель и предметы помельче. Родственникам не хотелось что-то убирать в доме, а потому они самую капелюху, но снизили цену, исключив из нее деньги за старую рухлядь, от которой, как они считали, новый жилец будет постепенно избавляться сам. Мелочь, а приятно.

Он распахнул дверцу навесного шкафа, вынул слишком легкую кофейную банку, встряхнул ее. И поморщился. Надо сходить в магазин. Без кофе он перестает соображать.

Вернулся домой не сразу.

В движении мозги лучше работают. И он понял, что сейчас главное — проникнуть в квартиру Всеволода и взять его мобильный телефон. Старший не любил носить с собой мобильник — считал лишней вещью, которой не место в кармане. Так что телефон должен быть в квартире...

Правда, добравшись до дома Всеволода, Данияр досадливо и со злобой к себе самому, отупевшему за бессонные дни и ночи, выяснил, что в квартиру не попасть: там орудовала полиция. Некоторое время он стоял в небольшой по утреннему времени толпе, глазающей на полицейские машины и на полицейских, бегающих с обалделыми глазами. В отличие от зевак Данияр знал, почему у полицейских ошалелые глаза. Всеволода не просто убили. Из него выпили кровь... И ладно, если только это. Судя по молодому полицейскому, который резко выскочил из подъезда, огляделся ополоумевшими глазами, явно не видящих ничего и никого, а потом кинулся к кустам на газоне и наблюдался там вдоволь, тело Всеволода представляло собой...

Данияр хмуро опустил глаза.

Остаться старшим для тех троих, кого еще не видел. Задача та еще...

Он забрел в магазин, взял молотый кофе, поплелся домой.

В подъезде не сразу, но узнал визгливый голос своей несостоявшейся... невесты? Жены? Мать подсунула. Уверяла, что эта будет идеальной женой. Эта — тоже уверяла, что влюбилась по гроб жизни...

Данияр постоял немного, непроизвольно морщась от грохота и визга — по голове здорово било, и понял, что соседней пора выручать. Выручил... Что его потом понесло спуститься на этаж? Та же интуиция.

Когда он увидел девчонку — глазам не поверил!

Она быстро сбежала, но ее голова, словно в шлеме, так и качалась перед глазами... Качалась... Да он сам уже качался! Данияр шагнул к двери, за которой скрылась Меченая, прилепил к ней черное перышко и вернулся в свою квартиру. Спать... Спать, пока она в квартире!.. Хватило получаса, чтобы сигнал оповестил: девчонка вскоре выходит! Он чуть не свалился с дивана, рванув в кухню. Минуты спустя прихватил с собой разовый стакан с горячим кофе и чуть не обварился, поспешно выпивая его на бегу.

На работу — понял он, когда она села в троллейбус, а потом выбежала на остановке у одного из городских ТЦ. Полностью он проснулся, мгновенно придя в ярость, когда навстречу девчонке из здания вышел алконост (морда знакомая, но имя Данияр не сразу вспомнил) и сразу остолбенел при виде Меченой. Пришлось рывкнуть на него, чтобы знал: девица не просто меченая, но уже отмеченная воронами — пусть воронами и в количестве одной штуки. Именно воронам Меченая сейчас нужна больше, чем многочисленным алконостам... Девчонка испугалась рывканья и сбежала. А Данияр сел (или свалился-таки?) на скамейку возле ТЦ и стал терпеливо ждать. По восторженному взгляду алконоста, уходящего к остановке и то и дело оглядывающегося на двери ТЦ, нетрудно было догадаться, что тот попробует-таки снова прийти сюда и подобраться к Меченой.

Но, когда белобрысый скрылся с глаз, Данияр немедленно встал и последовал за Меченой. Он должен побольше узнать о ней, чтобы потом придумать, как с ней общаться. На глаза ей больше не лез. Шел по невидимому для многих следу, который она, пока не знающая, оставляла. Дойдя до места, куда она спешила, кивнул сам себе: подрабатывает? Слишком юна. Школьница? Студентка?

Запомнив расписание парикмахерской, Данияр вышел на улицу, надел темные очки и, вновь расположившись на скамейке, незаметно разбросал вокруг себя сушеные в крошку травы, вызывающие доверие и в то же время заставляющие прохожих обходить его стороной, и сделал вид, что ждет

кого-то. И уснул. Спокойно. Ведь теперь появилась надежда: хоть что-то по мелочи начинает образовываться...

За час до закрытия парикмахерской он осторожно спустился в торговый лабиринт. Стеклянная дверь позволила разглядеть, как девчонка Меченая вдруг замялась на месте, словно чего-то сильно не желая, а потом подошла к сухопарой женщине и с виноватым видом что-то сказала. Хочет уйти пораньше?.. Но женщина посмотрела на Меченую со смесью безразличности и какого-то сожаления и протянула ей мобильный телефон. Вон что... Девчонка свой где-то оставила, а хочет позвонить?

Данияр вернулся к своей скамейке.

Как он и предполагал, алконост попробовал снова подойти к Меченой. Было достаточно встать со скамьи, чтобы парень все понял и ушел. Данияр сел и подставил лицо вечернему солнцу. В кои-то веки выспался и отдохнул. Хотя на душе кошки скребли: как найти подопечных Всеволода? И не случилось ли за это время с ними чего похожего на смерть старшего?

Девушка оказалась трусливой. Или благоразумной. В общем, под каким углом смотреть. В любом случае она явно видела, что ее ждут у ТЦ. Вышла не одна. С какой-то пожилой женщиной, почему-то Данияру довольно-таки знакомой. Под руку обе пошли в сторону дома, где жила Меченая, о чем он узнал сегодня утром. Данияр последовал за ними и вскоре вспомнил, где видел пожилую женщину — в том же подъезде, в котором с недавних пор жил.

Родственница Меченой? Дружелюбная соседка? Старшая подруга?.. Не до гаданий. Пора действовать. Он сел в подошедшую маршрутку. Ехать недалеко, но по сравнению с неторопливо идущими женщинами (может, не трусливая и не здравомыслящая? Может, она его все-таки не видела и они просто решили погулять?) он выигрывает время.

На косяк двери, возле которой он впервые увидел Меченую, он наклеил новое маленькое, едва заметное черное перышко — на этот раз так, чтобы вошедшие в квартиру ненароком занесли его с собой. Затем спустился вниз, чтобы дождаться женщин и выяснить, кем они друг другу приходятся.

Когда, увлеченные разговором, они показались из-за угла дома, Данияр вошел в подъезд и стал не спеша подниматься, прислушиваясь. Промелькнувшее в диалоге слово «бабуля»

заставило его кивнуть собственным мыслям. Теперь оставалось выяснить, живет ли Меченая здесь постоянно. Но об этом можно узнать только ночью. Тогда-то она сама скажет.

Захлопнулась дверь в квартиру Меченой. Щелкнул замок.

Данияр постоял немного, слушая дом: шелест подъездного сквозняка, едва уловимое гудение водопровода, будто забытое эхо — невнятные голоса за стенами, глухой барабанный ритм, но не сама музыка... И пошел к себе. Меченая проведет вечер так, как ей хочется, а потом уснет. Для Данияра это несколько часов собственного сна. Плюс к дневному. А значит, пробудившись, он встанет со свежей головой и готовым к ночной прогулке. И к охоте.

Прежде чем заснуть, он вышел на балкон. Застекленный по старинке деревянными оконными рамами несколько десятков лет назад, он выглядел обветшалым, но тем не менее в первый же день своего пребывания здесь Данияр превратил балкон в настоящий кабинет в миниатюре. Главным предметом был столик с откидной столешницей. Над ним — широкие полки, на которых умещались банки и пакеты с песком, землей, глиной; коробки с травами и другими ингредиентами, необходимыми для ритуальных действий; сосуды с жидкостями и блюда, с благодарностью взятые из старенького серванта бывшей хозяйки квартиры.

Данияр постоял немного перед столиком, мысленно раскладывая по полочкам, что именно он должен сегодня вечером и ночью сделать, а затем руки, словно независимо от него самого, приподнялись и принялись за работу. Через пять минут в центре столика красовалось блюдо, на котором слоями были насыпаны песок и глина, а поверх едва уловимым рисунком упала брошенная вроде как бесцельно речная галька.

Присмотревшись к полученному узору, Данияр отвернулся и ушел в комнату. Вскоре он спал на диване, уйдя в сон со смутной благодарностью к Меченой: получится ли что-нибудь сегодня — неизвестно, но выспаться он сумеет.

За пять минут до полуночи сон слетел, как будто и не было.

Не торопясь, Данияр оделся, прихватил с собой куртку — кто знает, сколько бегать придется. Вышел на балкон, высыпал в отдельные кожаные мешочки основу, на которой лежала галька, и сушеные травы из пары пакетов. На ночь этого хватит. Нагнувшись, проверил, хорошо ли прилегают к ноге поножи... Все готово. Можно начинать работу с Меченой.

Для начала раскинул карты с привычной гадальщикам-воронам символикой трав, зверей и птиц. Минуту спустя он знал примерно, как все произойдет и с кем он встретится. Прогноз, кажется, довольно благоприятный — правда, малорезультативный. Но и это уже хорошо, если вспомнить последние сутки... Высыпал на блюдо немного земли, добавил к ней сухие листья пустырника и валерианы — нашептал над смесью заклинание на сон: пусть бабуля спит крепко. В закрытых ладонях потряс камешки гальки и бросил их на другое, пустое блюдо, представляя, как черное перышко летит к спящей Меченой и медленно падает ей на лоб, а затем скрывается в переплетенных волосах.

— Выходи-выходи, утра путь свой повтори — спящей добеги к ручью, где метку ставили твою... — прошептал он.

И быстро зашагал из квартиры.

Уже на ее этаже, когда открылась дверь, стиснул зубы: заклинание предполагало, что Меченая должна идеально повторить свой утренний путь. Девушка и вышла — в шортах и в маечке. В бледном, тусклом подъездном свете она смотрела спокойно на подходившего к ней ворона, ожидая, когда и куда он скамандует идти далее.

Так нельзя. Слишком легко одетая, она даже в щадящем, сумрачном свете подъезда выглядела очень уязвимой. В прохладной ночи (картами обещана была роса) она легко замерзнет, даже если будет двигаться... Вынув все из карманов, Данияр скинул свою куртку и надел ее на Меченую. В планы не входило ее простудить. Теперь слишком многое зависело от нее.

— Ты спишь, — безэмоционально сказал Данияр, внимательно глядя в неподвижные глаза. — Ты видишь сон. Веди к ручью.

Тонкая кисть дрогнула, словно Меченая все-таки хотела возразить, но девушка, все с тем же безразличным лицом, повернулась к лестницам.

Он нашел новую квартиру исходя из предположения, что упырям легче всего прятаться среди деревьев и кустарников. Дом находился ровно между детским парком и центральным парком культуры и развлечений. Всеволод в поиски упырей пытался вписать алконостов, но те плохо видели в темноте, и старший ворон отказался от своей идеи, после того как однажды взятый таки им в поход довольно опытный боец-алконост чуть не погиб: упырь в овражном мраке легко подкрался к нему

и набросился на буквально слепую жертву... Рядом был Данияр. Упырь успел и ему плечо разодрать, прежде чем ворон бросил ему в глаза заговоренную землю...

Вопросы множились. Кто поднимает упырей? С какой целью? Зачем кому-то нужно, чтобы упыри шастали по городу, пожирая тех, кто не подозревал об их существовании? Теперь добавлен еще один вопрос: на кого вышел Всеволод, что к нему подослали упыря? А где-то ждут трое неопытных воронов, и неизвестно еще, знают ли они, что вороны. Успел ли Всеволод сказать им о том?

Последнее Данияр и намеревался выяснить сегодня с помощью Меченой.

Как он и ожидал, она повела его к центральному парку.

Дорогу перешли — Данияр посматривал на остановку, на которой одинокие фигурки дожидались дежурных троллейбусов. Никто не обратил внимания на парочку, как он и предполагал. Начали спускаться к мосту между улицей и парком. Половина моста скрывалась в черных тенях деревьев по бокам, вторая половина — четко виднелась в ярком свете фонарей. Вступив на мост, Данияр взялся за рукав куртки, придерживая решительно шагавшую девушку. Пальцы другой руки крепко сжимали рукоять складного ножа. Любимое место упырей — тень под деревьями, особенно когда сильный ветер раскачивает ветви. Даже самый внимательный человек не успеет сориентироваться, где болтаются тени, а где прячутся уродливые фигуры с ощеренной пастью и нервно сжимаемыми когтями, и станет их жертвой.

Вышли на свет — Данияр чуть ли не тащил Меченую за собой. Она-то шла спокойно. Видимо, бегала в парке только по тропкам.

Центральный вход закрыт. Но Данияр знал, что чуть сбоку от нижней дороги поднимается лестница. Сторож обычно здесь не гулял, так что они оба благополучно и незаметно проникли в парк.

Пустынные площадки развлекательной части парка в полутьме (деревья мешали фонарному свету) казались исполненными таинственности, но Данияр видел в этой таинственности только отличную маскировку для созданий, которых не должно быть в человеческом мире. Когда же вступили на первую тропу для бегунов или для влюбленных парочек, сейчас, естественно, пустую, ворон не стал таиться: вынул нож и отчет-

ливо чувствовал на ногах поножи, готовый в любой момент медленно использовать все оружие с себя.

Заклинание сработало на все сто. Судя по всему, Меченая не собиралась бегать по всем тропам, на которых она сегодня побывала.

Тропа, на которую она свернула, недолго вилась в овражных закутках парка. Чуть замедлив шаг, девушка уверенно спустилась в один из оврагов и застыла. Данияр держал ее за руку и цепко оглядывал местность. Для обычного человеческого глаза здесь стояла непроницаемая тьма — тревожная, поскольку подкреплялась сыростью и глубокими запахами трав и грибов. Тихо и пустынно...

Девушка внезапно, но мягко опустилась на корточки, потрогала траву перед собой.

Осока и лопухи, которые узнал ворон, так же внезапно зашевелились и задергались, пропуская между стеблями и громадными листьями торопливые несуразные фигурки. Вскоре перед Меченой столпилась кучка куроногих существ, которые негромко, но поспешно загалдели, таращась на ворона.

— Цыц! — тихо велел Данияр. — Не все сразу!

После некоторого колебания вперед выступила носатая фигурка и торопливо схватилась за пальцы Меченой. Быстро-быстро застрекотала... Присевший рядом Данияр заглянул в лицо девушки. Она открыла рот и сипловато сказала:

— Был здесь — ирод! Вчера вечером бегал, но никого не пымал! Найди того ирода, ворон, да избавь наш угол от него!

— Покажите, где он бегал.

Девушка так же сипло повторила за ним на необычном языке. Он не был похож на язык человеческий, но и не повторял того верещания, на котором говорили кикиморки. Ворон знал: Меченая говорит на языке, всеобщем для нечисти.

Кикиморки всей толпой бросились наверх, из оврага. Данияр помог подняться девушке — кажется, ноги ее от непривычного сидения на корточках немного онемели, и повел ее следом за куроногими. Небольшой ветерок скрадывал топоток легко-весных существ и не давал услышать шелест, которые они производили, пробираясь сквозь травы.

Вскоре они остановились возле поваленного дерева — на самом краю парка. Еще один овраг, спускающий к одной из городских речек. И дерево валялось вершиной к воде. Здесь пло-

хо убрано, а потому дерево сгнило, никому не нужное, в тальниковых зарослях.

Оставив Меченую среди добровольных помощников-сторожей, Данияр тщательно исследовал указанное место. Улежавшиеся в гнездо листья, сучья вкруговую. Ворон сжал губы. Странно. Куроногие говорят — вчера вечером появился, а судя по лежке, упырь здесь жил дня три. Причем голодным. Обычно они оставляют на пригретом местечке либо вещицы, стащенные у тех, кого выпили, либо обглоданные кости тех, кого разодрали. Последнее оставляют так, на всякий случай, если долго добычи не будет и придется сосать... кости, перемалывая их своими зубищами. Какая-никакая, а пища. Или этот недавно появился и свои привычки не завел еще?..

Вернулся, заставил Меченую присесть и спросил куроногих:

— Он все еще здесь?

— Ушел куда-то в ночь, — ответила Меченая, переводя ответ кикиморки.

— То есть в парке его нет?

— Нет, — равнодушно ответила девушка и неожиданно добавила, коротко глянув наверх: — Голодный он шибко.

Данияр тоже от неожиданности поднял глаза, как и всполошившиеся кикиморки. Глаз ворона не сразу, но разглядел прячущегося на толстой ветви лешего. Леший зыркнул на невольных зрителей — и пропал в темноте, между ветвями. А кикиморки уставились на Меченую. Та, что посмелей, вздохнула и проворчала что-то.

— Вернется еще, ирод-то... — бесстрастно перевела девушка. — Жизни из-за него здесь не стало. Уж и не знаем, куда прятаться от нежити той...

Злиться на кикиморок Данияр не стал, что они не говорят ему четко, что он хочет знать. Они по-своему соображают. И так-то здорово, что навели на лежку упыря да, по сути, подарили ему Меченую. Кстати о Меченой...

— Почему она? — кратко спросил ворон, кивнув на девушку.

— Бабуля, — ответила ему Меченая.

— Бабуля из наших? — уточнил он, чтобы убедиться: все правильно понял.

— Необученная, — объяснила кикиморка через девушку.

Он посидел немного на корточках, глядя на серую под лунной тропу напротив, и наконец собрал мысли воедино.

— Сегодня больше не приду. С завтрашнего дня буду проверять парк каждый день.

— И-и!!! — обрадовались кикиморки и, разбежавшись по травам, черным в темноте, мгновенно попрятались.

Сообразив, в чем прокололся, Данияр с досадой сплюнул: а ему что теперь делать? Пошел за ними и не подумал путь запомнить! Подумал немного и обернулся к Меченой:

— Как звать?

— Руся, — вполголоса ответила девушка, словно боясь спугнуть сумрак, разлитый по кустам, отчего кусты превратились в нечто плотное и пугающее.

— Веди назад, Руся, — вздохнул Данияр, мельком подумав: Руся? Маруся? И бросил думать об излишнем сейчас.

Пробраться назад, к входу в парк, легко: поднимайся только наверх. Но хотелось вернуться комфортно, без блужданий по буеракам. И так-то джинсы понизу мокрые от ночной росы. А девушка могла помнить дорожки кикиморок.

Так и случилось. Даже не петляя, Руся вывела его из кущи деревьев и кустарников к асфальтовым дорожкам, а дальше он по-хозяйски, словно давно общались, взял ее под руку и повел к выходу. Путь недолгий, но теперь многое в голове уложилось в определенность, и план потихоньку вырисовывался довольно конкретный.

Итак, первым делом в квартиру Всеволода. Потом отвести Меченую (ну не мог он себя заставить называть ее по имени!) домой. Затем, удостоверившись, что Меченая в квартире, надежно закрытой на замок, отправиться на охоту...

На остановке, где на скамье под навесом сидела парочка, что-то обсуждая громким шепотом и даже, кажется, ссорясь, он поднял руку, подзывая такси.

Первым делом усадил сзади Меченую, потом обошел машину и сел рядом. Назвал адрес рядом с домом Всеволода и молча начал следить за мелькающими редкими огнями дороги. Меченая смиренно, под действием заклинания, сидела рядом. Он поглядывал порой на ее длинные ноги и морщился, соображая: не замерзла ли она в одних шортах. Куртка-то даже до колен не прикрывает... Но в машине было тепло, и Данияр принял это во внимание.

Выходя из такси и помогая выйти ей, он невольно коснулся ноги девушки и успокоился. Согрелась.

Снова под руку, он заставил Меченую идти рядом. Пройдя пару переулков (специально не хотел, чтобы таксист довозил до дома), он остановился возле нужного подъезда. Время за полночь. В доме, пятнадцатизэтажном и в шесть подъездов, мягко теплились желтым три окна — не больше.

— Идем... — потянул он девушку за собой.

Она покорно поплелась следом.

На мгновение приложил ладонь к домофону — мигавший огонек лампочки погас на пару секунд. Этого хватило, чтобы открыть подъездную дверь и войти. За спинами дверь, возвращенная в рабочее состояние, гулко хлопнула.

До седьмого этажа добрались на лифте, хотя Данияр немного сомневался. Знал же, что произошло. А упыри порой возвращались на место, где взяли раз жертву. Так что... Мало ли кто их на лестничной площадке встретит. Прежде чем лифтовая кабинка остановилась на нужном этаже, ворон отодвинул девушку в угол, а сам встал перед дверью. Но представшая глазам лестничная площадка пустовала. И Данияр, спрятав приготовленные ножи, снова потянул девушку за собой.

Здесь, в доме Всеволода, он рассчитывал получить более полную информацию.

Встав перед дверью квартиры, ворон легонько ударил выше замочной скважины ладонью и вполголоса повелительно произнес:

— Откройте ворону...

Дверь будто притихла, а потом раздался едва заметный скрежет.

Прежде чем войти, Данияр, стоя на пороге, прислушался. Тихо. Только тикают часы. Одни — он помнил — с кухни. Другие — со стены прихожей. Данияр опустил глаза, вслушиваясь. Пусто. Тихо. Даже окна закрыты. Он втащил девушку за собой и, стараясь не шуметь, закрыл дверь на замок. Свет включать не стал. Ворон же. Да и знал, как расположена мебель в квартире наставника и старшего.

Он помог Меченой пройти в гостиную. Усадил в кресло и обошел комнату, приглядываясь к углам.

— Спускайся, — негромко приказал он странной тени в верхнем углу комнаты. — Поговорить надо, что видел, что слышал.

Тень начала свое перемещение сверху вниз — разлапистая, скорченная, будто уродливый паук. Данияр отошел к Меченой, ждал. Потом кивнул тени, которая так и не обрела конкретных очертаний, на девушку и сказал:

— Расскажи ей все, что видел в течение последних суток. Мне надо знать, кого нашел Всеволод, как их зовут и где они живут. Мне надо знать, кто его убил и за что. Перескажи ей все разговоры Всеволода.

И замер, вновь выжидая.

Тень мягко подвинулась к Меченой, и одно колено девушки потемнело — кажется, на него положили лапу. Данияр поиграл желваками и сквозь зубы сказал:

— На руку!

Теневая лапа послушно переместилась на ладонь Меченой.

Для ворона голос тени стал подобием белого шума: будто глубокое пространство наполнилось странными, почти призрачными шепотками, пронзающим голову тончайшим свистом, отголосками далеких неразборчивых звуков...

А потом девушка открыла рот и заговорила, выкладывая такую информацию, что даже ожидавший чего-то подобного Данияр опешил. Он не сразу сообразил включить запись на своем мобильном, одновременно сам усиленно запоминая основные факты. Ничего себе Всеволод раскопал...

Когда Меченая закончила, он помолчал, пытаясь справиться с волнением и тревогой за тех, кто еще не подозревал, во что вляпался. Затем глянул на тень, и та без приказа удалилась на свое место — в угол у потолка.

А Данияр вызвал такси прямо к подъезду и отвез девушку домой, как и собирался.

Для начала он заставил Меченую открыть дверь. Потом снял с нее свою куртку и прошептал:

— Войди в квартиру и закрой за собой дверь. И ложись спать!

Стоя уже перед дверью в ее квартиру, он внимательно прислушивался к тому, как она выполняет его приказ закрыть дверь. Щелкнул замок. Раз, два... Ворон отшатнулся от двери и быстро, но бесшумно побежал на свой четвертый. Женский голос с вопросительными интонациями был услышан за дверью достаточно отчетливо, чтобы понять: бабуля Меченой проснулась и пытается разузнать у внучки, где та была.

Но Меченая ничего ей не скажет. Она продолжала спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Руся

Машинально шаркая щеткой с длинной ручкой по полу и собирая специфический, характерный только для парикмахерской мусор, Руся усиленно размышляла.

Когда она привычно проснулась по звонку мобильного утром, чтобы быстренько сгонять в парк на пробежку, пришлось с изумлением уяснить: пробежка не состоится! Ноги ощутимо побаливали, словно она всю ночь бегала!

Удивилась и решила поваляться еще немного, глядя в окно, в которое время от времени сквозь ветви кленов пробивался солнечный свет. Ну и что? Ну и поленилась! Подумаешь... В конце концов, бабуля тоже ворчала, что внучка слишком уж рьяно взялась за здоровый образ жизни. Можно себе уступить... немножечко. И побаловать себя бездельем. Отдохнуть... Вчера, что ли, перебегала?

Тем более сны... Руся задумчиво уставилась на хлопотливо метавшиеся по ветру солнечно-зеленые листья. Сны ей снились сегодня довольно странные. Настоящая сказка-ужастик! Нет, понятно, почему во сне оказался новый сосед по подъезду. Он мозолил Русе глаза весь вчерашний день. А выглядел медведем, как ей показалось, потому и повел ее во сне в ночной лесопарк. И там была встреча с теми существами... Болтали которые. Хм... уж и неизвестно, как их называть. Только почему-то думалось, что именно они заплели ей волосы во что-то странное...

Руся встрепенулась и прикоснулась к волосам, ожидая почувствовать под пальцами подсохшие за сутки травинки, а волосы — растрепанными. Фиг вам... Девушка озадаченно прикусила губу. Несмотря на довольно беспокойный сон — судя по сбитому в ком одеялу, по подушкам, «придушенным» обнимавшими их руками до состояния всмятку, волосы на ее голове все еще уверенно лежали жестким шлемом. И не расчешешь-ся...

Неохотно встала и поплелась в ванную. Но, едва вышла из своей комнаты, обнаружила кроссовки, которые нахально валялись посреди прихожей. Странно. Руся нагнулась подобрать обувь и обнаружила еще большую странность: матерчатые части кроссовок были настолько влажными, словно Руся не-

давно пробежалась по лужам! А заглянув под подошву, девушка насупилась: остатки травинок, глины и мелкого песка! И это при том, что вчера, сразу после пробежки, она вымыла кроссовки! Растерянная — нести в ванную снова мыть или оставить сушиться так, на полочке? — она некоторое время не двигалась с места.

— Руся? Встала? — спросила бабуля из кухни. — Иди завтракать!

Девушка, досадливо поморщившись, положила обувь на полочку и помчалась-таки умываться. Перед тем взглянула в зеркало над раковиной и приподняла брови: заплетенные, кажется, в сотни травинок, волосы выглядели так, словно ими занимались только что!.. Садясь за стол, увидела тарелку с кашей, а рядом большую чашку с чаем, куда бабуля щедрой рукой наложила малинового варенья.

— Вроде не зима, — неуверенно сказала она, с намеком кивая на чашку.

— Да это так, на всякий случай, — немного странно сказала бабуля, внимательно глядя в глаза Руси. — Ты вчера не замерзла ли? Все-таки на подвальном этаже работаешь... Потом перед матерью твоей еще отчитывайся, если вдруг занасморочишь...

— Да нет, бабуль, — заверила ее девушка. — Я себя прекрасно чувствую!

— Ну, тогда ешь, — не совсем логично закончила разговор бабуля.

Ощущая на себе ее необычно встревоженный взгляд, Руся съела половину каши, а потом не выдержала и объяснила:

— Бабуль, я ведь там то шваброй махаю, то щеткой, да еще с водой бегаю, чуть не с целым ведром, — мне там жарко, честно!

— Вот-вот, — проворчала бабуля. — Сначала жарко, а потом небось, пока отдыхаешь, и остываешь, и мерзнешь. Ты же наверх не выходишь? Так что пей чай, не разговаривай.

Руся хмыкнула, но чай выпила с удовольствием.

— Русенька, — неожиданно ласково позвала бабуля, — не знаю, как тебе, а мне вчерашняя наша с тобой прогулочка понравилась. Может, и сегодня погуляем?

Девушка рассмеялась.

— Почему бы и нет? — пожала плечами она. — А мороженое мы опять купим или как? — лукаво закончила она.

— Захочется — отчего же не купить? — засмеялась и бабуля.

Выйдя на улицу, Руся первым делом подозрительно огляделась и чуть не вздрогнула: угрюмый сосед стоял неподалеку, у другого подъезда, и будто ждал, когда она пойдет к остановке. Помахав стоящей на балконе бабуле, Руся с сомнением зашагала вперед, думая: «Шпион и в самом деле собирается провожать меня на работу каждое утро? Может, и правда влюбился? Фу на него! Некогда мне влюбляться!» — И вспомнила слова родителей: «Сначала выучись, найди хорошую работу, а уж дальше и думай о семье!»

Но в течение всего рабочего дня Руся в свои перерывы выскакивала в фойе ТЦ посмотреть, сидел ли сосед на скамье. Нетушки! Не сидел!

Появился лишь за час до ее выхода с работы! Причем так, что заинтриговал Русю до ужаса!

Сидел он, прислонившись к спинке скамьи, раскинув по этой спинке руки, словно отдыхал. Русе даже показалось, что он спит: глаза-то за темными очками — ничего не разберешь. Только было девушка хотела тихонечко ускользнуть в парикмахерскую, радуясь, что бабуля вновь придет за ней, как появление новых лиц на площади перед ТЦ заставило ее спрятаться за колонной, каких много в фойе. Итак, по лестнице от остановки сбегали три парня в белом, причем один из них — тот, что был вчера. Руся даже испугалась — сначала не поняв, чего именно. А потом прислушалась к себе и вздохнула: она уже переживает за соседа! За своего Шпиона! А вдруг эти трое в белом побьют его?!

Сосед же, когда трое дошли до него, немедленно сел прямо, но так и не поднялся. Теперь его руки были сложены на коленях, а потом и вовсе скрещены на груди, а сам он ссутулился — так напряженно, будто еще пара шагов тех троих в белом, и он слетит со скамейки драться. Но трое белых встали перед ним полукругом и начали о чем-то бурно говорить. Один даже присел рядом со Шпионом на скамью, а двое других уселись на корточки перед ними.

Руся насторожилась. Вчера тот беленький хотел с ней познакомиться, а Шпион не дал ему этого сделать. Что-то странное. Неужели эти двое новых хотят уговорить соседа не мешать знакомству своего друга с ней, с Русей? Да что они все — с ума посходили, что ли? Зачем им всем так нужна она?

Задумчиво повернувшись к лестницам в цокольный лабиринт, Руся зашагала к себе, скептически оценивая: «Я б поняла

и обрадовалась, если б у меня была внешность, как у Любки из нашего класса! Вон какая красивая — даже мазаться не надо! А я что? Ничего особенного. Разве что... — Она с новым сомнением потрогала свою голову. — Но эта прическа меня раскрасавицей не делает. Правда...» Запутавшись в предположениях, девушка вздохнула и заспешила в парикмахерскую.

А еще ее волновал все тот же сон.

Странные существа в лесопарке были настроены к ней довольно дружелюбно. С чего Руся так решила — не знала сама. Ну, впечатление такое осталось. Но в том же сне было что-то еще, что ее напугало, и только присутствие Шпиона, которого она про себя все чаще называла просто соседом, слегка успокаивало. Еще во сне точно был жутик неопределенных очертаний, но двигался он так страшно, что Руся сидела в каком-то кресле и боялась непрерывно...

В парикмахерской девушка осторожно, чтобы не мешать мастерам, осмотрелась и наткнулась на недовольный взгляд Алевтины. Пришлось бегом вытаскивать из-за двери ведро с водой и продолжить размышлизмы и воспоминания, управляясь щеткой для уборки. И злиться, потому что сновидения оказались очень уж обрывочными. Только вспоминалось одно, как тут же рядом мелькал обрывок другой сновидческой части — и мгновенно улетучивался, когда Руся пыталась поймать его.

Аккуратно обойдя кресло с клиенткой, которая болтала с Леной-парикмахером, крашеной блондинкой лет тридцати, Руся, стараясь не обращать на себя внимания, обвела щеткой угол. Лена быстро глянула на нее и с улыбкой кивнула. Девушка поняла: говорили как-то, что Алевтина порой во вред делу заставляет Русю слишком часто убираться в самое хлопотливое время — к закрытию заведения, когда народ бежит с работы, а некоторые торопятся сделать прически на торжественный час. Но, понимая, что от девушки ничего не зависит, парикмахеры только сочувствовали ей...

Странно. По спине почему-то потянуло холодком. Будто где-то открыли двери и одновременно окна — и сразу сквозняк. Руся выпрямилась и оглянулась. Хм... Дверь парикмахерской закрыта. Только было нагнулась закончить уборку — плечи снова странной прохладой обвеяло. В парикмахерской внезапно потемнело. Продолжая елозить щеткой по полу, Руся исподлобья глянула на мастеров и клиентов. Нет, болтают, как

обычно. Никто ничего не заметил... Почему же ей кажется, что электрический свет в помещении потускнел? И плечи... На них будто положили почти невесомый носовой платочек, предварительно замороженный в морозилке. И... надавили на него.

Затаив дыхание (надавили? Сверху?), Руся подняла глаза к потолку, высокому, с безликими круглыми белыми плафонами. И застыла: чуть в углу кто-то сидел. Кто-то — потому что почти бесформенный. Кто-то — потому что контуры разглядеть трудно: этот некто то появлялся, то пропадал, будто по тому месту, где он сидел, время от времени из ведра плескали жидкостью, смывающей его... фигуру? Вспомнилось утро, когда она лежала в постели, а по стенам бегали солнечные блики, которые немедленно исчезали, на мгновения уступая место качающимся, полупрозрачным теням... Но некто на потолке точно был. Почему-то очень знакомый — раскоряченный, с длинными конечностями, которые лапами не назовешь. И, несмотря на то что девушка не видела его полностью, она остро чувствовала его взгляд, продолжающий мягко нажимать на ее плечи.

Заледенев от непонятного страха (остальным-то в парикмахерской хоть бы хны!), Руся наблюдала, как странная тень, постоянно смываемая другими тенями, более прозрачными, начала движение по потолку к стене. Собирается спускаться?.. И стороной — понимание: чем больше смотришь на эту полупризрачную тень, тем больше она... твердеет и обретает жесткие очертания.

Пальцы онемели. Длинная деревянная ручка щетки словно в недоумении постояла самостоятельно, освобожденная от их хватки, а затем медленно и торжественно описала полукруг, падая на пол. Руся безразлично проследила это падение, с каким-то облегчением оторвав взгляд от потолка.

От грохота упавшей щетки вздрогнули все.

А тень на потолке заторопилась вниз — да так, что Руся с визгом помчалась к двери. Распахнув ее, забыв обо всем на свете, девушка кинулась по коридору, врезаясь в людей, заполнявших его, отшатываясь от тех, кого все-таки видела на своем суматошном пути.

— Русенька! — удивленно вскрикнул кто-то.

И она бросилась на этот зов знакомого голоса, еще не понимая, кто это, но инстинктивно помня, что этот пока плохо воспринимаемый человек всегда защитит.